

Антон Шувалов — гениальный нейрофизик, в жизни которого началась череда серьезных неприятностей. Соперник и коллега ученого Борис Вербицкий до сих пор винит Антона в смерти своей жены. А следователь Петровская даже советует ему залечь на дно, чтобы избежать возбуждения уголовного дела. Но, несмотря на опасность, Антон продолжает тайно проводить эксперименты в лаборатории НИИ. Его «прикрывает» Вербицкий, который взамен на молчание требует от Антона помощи с одним делом. Теперь ученый вынужден помогать старому врагу... Удастся ли Шувалову сорваться с крючка шантажиста?

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-6075-7

9 786171 260757

ОТЧАЯННЫЙ ШАГ

СЕРГЕЙ
БАКШЕЕВ

СЕРГЕЙ
БАКШЕЕВ

ОТЧАЯННЫЙ
ШАГ

СЕРГЕЙ
БАКШЕЕВ

ОТЧАЯННЫЙ ШАГ

РОМАН

ХАРЬКОВ КЛУБ
2019 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.161.1
Б19

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Дизайнер обложки *Сергей Ткачев*

ISBN 978-617-12-6075-7

- © Бакшеев С., 2019
- © DepositPhotos.com / ArturVerkhovetskiy, rorem, robeo123, обложка, 2019
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2019
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2019

Я мыслю, следовательно, существую.

Декарт

1

Он не желал мириться с очевидным.

— Она будет жить? Вы ее спасете?!

Врач скорой помощи не отвечал. Хуже того, он перестал что-либо делать и старательно отводил взгляд.

А всего час назад жизнь напоминала идиллию. Но даже тогда это была лишь обманчивая картина.

Бархатное сентябрьское солнце оттеснило сонные облака, и теплые волны невесомой пелериной опустились на живописную лужайку на берегу подмосковной речушки.

Борис Вербицкий, сидевший на траве, обхватил колени, поднял лицо и зажмурился. Так было легче скрывать нахлынувшее раздражение. Даже на пикнике Антон Шувалов, его коллега и вечный оппонент, а последние два года еще и непосредственный начальник, играючи демонстрировал парадоксальное мышление.

Вербицкий поправил солнцезащитные очки и с вызовом посмотрел на Шувалова.

— Из твоих слов следует, что человеческое общество можно сравнить с отдельным мозгом? Наша огромная страна — и полтора килограмма серой биомассы?

— Конечно! Я об этом и толкую. — Антон сдвинул одноразовые стаканчики и тарелки, разделявшие коллег, словно атрибуты

пикника мешали беседе, и, жестикулируя пальцами, стал объяснять: — Миллиарды нейронов подобны миллиардам людей. Каждый человек — это нейрон. Между ними связи: устойчивые и временные. Определенные группы людей выполняют в обществе заданную функцию и передают полученные результаты другим. Всё взаимосвязано. То же самое происходит и в мозге. Часть нейронов отвечает за зрение, часть за слух, движение, память. Если процессы идут гладко, то организм или общество здоровы. А вот если...

— Мальчики! — На плечо Бориса свалились белые кудряшки его жены Людмилы. Она со спины обвила шею мужа и игриво стрельнула глазками по тридцатипятилетним «мальчикам». — Вы можете хотя бы на отдыхе не говорить о работе? Лучше налейте мне вина.

— Тебе уже хватит, — пробурчал Вербицкий.

Женщина не отступала. Узкая ладошка скользнула ему под рубашку, пухлые губки нежно промурлыкали на ухо: «Ну, котик», — и мужская категоричность рассыпалась под обольстительными чарами прижавшегося женского тела.

Красное вино булькнуло в пластиковый стаканчик.

— А себе и Ольге? Антоша сегодня за рулем, а ты-то?

Тонкие брови Бориса сдвинулись к переносице и опустились под очки. Его покорило ласковое обращение супруги к другому мужчине. Однако он не стал пререкаться со взбалмошной Людмилой, разлил вино и залпом осушил стакан.

Смущенный Антон Шувалов обернулся к своей жене Ольге, которая пыталась играть в мяч с шестилетним сыном Сашей.

— П-папа, я забил г-гол! — сильно заикаясь, выкрикнул мальчик, заметив внимание отца.

Антон наткнулся на укоризненный взгляд Ольги и почувствовал острый укол совести. Мало того, что он не находит времени, чтобы сыграть с сынишкой в его любимые шашки, так даже футболу мальчика обучает жена.

Восторженно похвалив Сашу, Шувалов попытался встать, но его рывком за рукав удержал Борис.

— Подожди. А болезни? Как их трактовать?

— Подумай сам. Расстройство мозга начинается с единичных нейронов, а болезнь общества — с отклонений отдельных людей.

Если их вовремя не изолировать, то они заразят окружающих, выведут из строя массы, и общество скатится в фазу острой болезни.

— Ты говоришь про эпидемии?

— Не только. Иногда болезни общества принимают чудовищный характер. Вспомни революции, бунты. Общество саморазрушается. А начинается всё с малого...

— Как в мозге, — завершил мысль Борис Вербицкий.

Он отпустил Антона и недовольно сжал губы. Шувалов снова поразил его. Вот так мимоходом, за шашлычками на пикнике, выдвинул идею о сходстве функционирования мозга и высокоорганизованного общества. За кажущейся абсурдностью сравнения проглядывала искра гениальности.

Физиолог Борис Вербицкий пришел на работу в Институт нейронауки сразу после окончания университета. Антон Шувалов появился там пять лет спустя, будучи уже состоявшимся ученым-физиком. Рьяный и целеустремленный Вербицкий отличался активностью, как на научных семинарах, так и в общественной жизни. Спокойный, рассудительный Шувалов выступал реже, но ученые мужи всех рангов слушали его гораздо более внимательно, чем других. Статьи Вербицкого, зачастую муссировавшие одну и ту же тему, выходили с завидным постоянством и тут же тонули в ворохе подобных работ. Немногочисленные доклады Антона Шувалова активно обсуждались и цитировались на протяжении долгих лет. Каждое его выступление открывало новые тайны мозга человека.

Поначалу плодовитый Вербицкий формально являлся руководителем Шувалова. Однако в научном мире авторитет ученого ценится выше административной иерархии, и «Кто есть кто», знают даже рядовые сотрудники. Первым неприятным звоночком для Вербицкого послужил обычный подарок от озорных лаборанток по случаю Дня защитника Отечества. Каждому мужчине они вручили именную кружку с личной фотографией и дарственной надписью. Но если на кружке Бориса красовались слова: «Я говорю наука — подразумеваю Я», то рядом с портретом Антона было выведено: «Не тот мудрец, кто выше чином, тот выше чином, кто мудрец».

Затем уже администрация института по случаю Нового года наградила Шувалова ценным подарком в специальной номинации: «Где мало слов, там вес они имеют». Ну а когда немногословный мудрец эффектно защитил докторскую диссертацию, последовал его давно ожидаемый карьерный взлет.

И вот уже два года кандидат наук Борис Валентинович Вербицкий вынужден работать под началом заведующего лабораторией доктора наук Антона Викторовича Шувалова.

Только в одном Борис Вербицкий изящно «утер нос» более талантливому коллеге.

Четыре года назад в лаборатории появилась очаровательная блондинка-хохотушка Людмила Токарева. Привлекательную фигурку молодой девушки провожали масляные глазки доброй половины мужчин института. Людмила всех одаривала радостной улыбкой и для каждого находила комплимент. «Какие у вас сильные руки», говорила она инженеру по обслуживанию техники. Словами: «Я никогда не встречала такого умного мужчину» приветствовала лысого профессора. А фразы: «Вам очень идет этот галстук», «Вы поразили меня своим выступлением», «Мне нравится, как вы быстро считаете» звучали из ее уст при любой встрече с коллегой противоположного пола. Вкупе с ласковой интонацией, томным взглядом и обтягивающей одеждой подобное поведение действовало на мужчин весьма возбуждающе.

И многие клевали на аппетитную наживку. Даже Антон Шувалов, с головой увлеченный исследованиями, отвлекался от бумаг и приборов, когда юркая Людочка обдавала его ароматом тонких духов или как бы ненароком задевала краем одежды.

Однажды после работы Вербицкий встретил их вместе в кафе. Парочка сидела за стойкой бара. Людмила пила коктейль, хохотала, называла коллегу Антошей и время от времени опускала ладонь на его колено. Что и говорить, пьянела девушка очаровательно.

Вербицкий унял извечную ревность и отступил в тень. Он знал, кому позвонить, чтобы приукрашенная сплетня быстро дошла до жены Шувалова.

Но созданием для конкурента одних только семейных неприятностей Борис не ограничился. Для самоутверждения ему требо-

валась громкая победа. Завоевание красивой женщины было как раз тем попроще, где неженатый Вербицкий мог блеснуть.

Недолго думая, он устроил себе командировку в Питер вместе с Людмилой Токаревой. Там в первый же вечер произошло их стремительное сближение, закончившееся общей постелью. Спустя два месяца он сделал девушке предложение, и прелестная лаборантка Людочка превратилась в замужнюю женщину Людмилу Вербицкую. Теперь, приходя на работу, Борис мог позволить себе легкие намеки на усталость после сладких ночей. Мужчины внимали ему с вождением.

— Я хочу купаться! — игриво топнула Людмила и, что-то напевая, стала снимать одежду.

— Люда, вода холодная, — заметил Борис.

Но капризная девушка его не слушала. Томно раскачиваясь в такт песенке, она разделась, перекинула длинные волосы на одно плечо, выпятила грудь и из-под опущенных ресниц взглянула на Антона.

— Кто со мной?

— Крошка, ты много выпила. Зачем лезть в реку? Дома примем ванну, — зывал к разуму подвыпившей жены Борис. Он картинно шлепнулся на траву, чтобы дотянуться до тонких лодыжек.

Девушка элегантно подцепила ножкой сброшенную одежду. Невесомая блузка накрыла лицо фыркающего мужа. Людмила захохотала и побежала к воде. Двигалась она зигзагами, с природной грацией, давая возможность полюбоваться ее гибким телом.

На шатких мостках она остановилась, брызнула водой и крикнула:

— Мужчины, за мной! — Солнце просвечивало золотом сквозь ее взметнувшиеся волосы.

— Вот с какой чертовкой живу, — с плохо скрываемым тщеславием заявил Борис и шумно втянул запах смятой в кулаке блузки. — Иногда она вытворяет такое...

— Ее лучше остановить, — сказал Антон. Он знал, что в этой реке вода и в разгар лета не балует теплом, а уж в конце сентября она просто ледяная.

От Ольги не укрылась смесь тревоги и восхищения в глазах мужа.

— Пусть охладится, ей не помешает. А Саша хочет с тобой поиграть. Правда, сынок?

С веселым криком Людмила прыгнула в воду. Ольга пнула мяч Антону. У Бориса мелькнула причудливая идея, которой он захотел похвастаться.

— Знаешь, кто соответствует нам, исследователям мозга, в обществе? Спецслужбы! Они должны выявлять вредоносных особей, как мы плохие нейроны, и исправлять их. Изолируя или ликвидируя. И мы, и они жертвуем частью во имя здоровья целого!

Антон отправил мяч сыну. Мальчик неловко ударил по нему.

— П-папа, л-лови!

Антон поспешил за скатывающимся в реку мячом. Он отвечал на реплики жены, следил за беседой с коллегой, подбадривал сына, но часть его сознания наблюдала за чем-то еще. Неприятное ощущение раздвоенности наполняло сердце растущей тревогой.

Шувалов догнал мяч у кромки воды, взял его в руки и замер. Чувства обострились до предела.

За спиной требовательные голоса. Перед ним мертвая тишина. Холодные струи прибили к берегу реки сломанную ветку. Раскрашенные осенью листья были похожи на утонувших бабочек.

И вдруг он понял, что его тревожило.

С момента прыжка девушки в воду не последовало ни единого всплеска!

— Люда, — позвал Антон. В груди защемило. Не услышав отклика, он выкрикнул: — Люда!

Мяч выпал из его рук.

Ольга метнула на мужа гневный взгляд. «Опять забыл о ребенке!»

Антон не заметил ее недовольства и крикнул громче:

— Люда!

— Она прикалывается. С нее станет, — усмехнулся Борис, отправляя в рот кусок остывшего шашлыка.

Шувалов вбежал на мостки, скинул джинсы. Беспокойный взгляд ощупывал гладкую поверхность воды. «Это не шутка. Здесь спрятаться совершенно негде!»

Река-воровка уносила беззаботно крутящийся мяч.

И тут под водой показалось светлое пятно. Оно приближалось. И каждый миг смывал сомнения с ужасной догадки.

2

Директор Института нейронауки профессор Юрий Михайлович Леонтьев вот уже битый час с постной физиономией переминался в толпе встречающих в аэропорту «Шереметьево». Единственный институтский водитель сказался больным, не отличавшаяся деликатностью ассистентка предпенсионного возраста сидела с внучкой на даче, и шестидесятилетнему директору пришлось самому встречать нежданного гостя из Японии. О прилете ему сообщил ответственный работник МИДа всего три часа назад. Из туманного разговора следовало, что визит хоть и неофициальный, но очень важный. О госте хлопочет крупная японская корпорация, с которой намечается серьезный государственный контракт, и встретить его лучше на уровне руководителя института.

В тесном стеклянном холле было душно. Полный профессор с округлой седой бородкой, украшенной редкими черными волосками, держал листок с написанным от руки именем *Hisato Satori* и то и дело промокал платочком лоснящуюся лысину. Самолет из Токио прибыл достаточно давно. За это время Юрий Михайлович принял на себя такое количество заинтересованных взглядов гостей востока, что стал сомневаться, правильно ли перевел на английский имя гостя.

Наконец перед Леонтьевым остановился круглолицый японец среднего возраста, с густыми бровями и радостно улыбнулся.

— Добрый день, господин Леонтьев. Я вас знаю.

— Вы Хисато Сатори?

— Да, я Сатори. Прилетать в Москву по главному делу.

— Пойдемте, — выдохнул Юрий Михайлович, испытывая облегчение оттого, что для общения с гостем ему не придется напрягать свой небогатый английский.

Они проделали довольно длинный путь к автомобильной стоянке. Японец нес дорожную сумку и странный футляр из легкого сплава, напоминавший овальный тубус. Сумку он положил в багажник, но класть туда футляр отказался.

— Вы меня долго здать, потому что ваш офицер из таможня не понимать, что это. — Хисато Сатори многозначительно коснулся указательным пальцем футляра, и бережно положил его на колени, усевшись на заднее сиденье.

Директор Института нейронауки тоже не догадывался о назначении футляра, но его больше заинтересовали другие слова гостя.

— Откуда вы меня знаете, господин Сатори? — спросил Юрий Михайлович, вырুলывая со стоянки на шоссе.

— О, вы крупный ученый, господин Леонтьев. Я видеть вас в мае на конференция в Петербург.

Восторженная интонация японца льстила Леонтьеву. Хотя он уже давно из действующего ученого превратился в хорошего администратора, умеющего контактировать с министерством и выбивать бюджеты. Связь Леонтьева с наукой ограничивалась подстановкой имени директора как соавтора почти всех научных публикаций, выходявших из-под пера сотрудников института.

— Вы тоже занимаетесь нейронаукой?

Задавая столь общий вопрос, профессор хотел выяснить степень компетентности собеседника. Ведь нейронаука — это целый комплекс современных наук, изучающих самую удивительную и неизведанную субстанцию — мозг человека.

— Я маленький генетик. Я не такой большой ученый, как вы или господин Шувалов. Но я знать русский. Я приезжать в Петербург, чтобы переводить для других японских ученых.

При упоминании Шувалова Леонтьев поморщился. Строптивый завлабораторией частенько загонял пожилого профессора в тупик. Он не знал, как относиться к его смелым идеям.

Юрий Михайлович искренне полагал, что всё новое в науке должно крепко опираться на прежние достижения. Священный храм науки строится веками, кирпичик за кирпичиком, этаж за этажом. Каждое последующее открытие обязано логически

вытекать из предыдущего. Только так можно двигаться вверх. Ученому не грех и вниз спуститься, чтобы подлатать и обновить обветшавшие истины предыдущих поколений.

Но Антон Шувалов мыслил иначе. Его смелые идеи возникали словно из ниоткуда. Они витали в облаках красивыми видениями, не опираясь на фундамент прошлого. Он игнорировал последовательное развитие науки. Чтобы доказать его правоту, по мнению Леонтьева, требовалось достроить недостающие этажи, а уж затем осторожно подступаться к решению подобных задач. Но многие молодые специалисты выскочку любили. Видные зарубежные ученые открыто восхищались идеями Шувалова. Его доклады были самыми посещаемыми на любой конференции и вызывали жаркие споры. Стремительный успех подчиненного тревожил директора, недавно перешагнувшего рубеж пенсионного возраста.

— Шувалов, — проворчал под нос Леонтьев.

— Да-да, Антон Шувалов! — радостно встрепенулся японец. — Шувалов-сан удивлять всех на конференции. Его доклад сейчас цитировать больше всех в мире. Наси ученые глубоко изучать его. И все, как это сказать... восторг!

«Все в восторге». Юрий Михайлович поймал в зеркале восхищенный взгляд Сатори и еще больше помрачнел.

Как следствие громкой защиты Шуваловым докторской диссертации, директор был вынужден выделить молодому ученому отдельную лабораторию. Тот собрал в ней небольшую, но разностороннюю команду из физика, математика, химика, биолога, программиста, физиолога, хирурга и инженера. Шувалов не признавал деления науки на четкие сектора и творил на стыке разных областей. У его лаборатории даже не было названия. Только номер: 7. Ее так и называли — Семерка.

— Господин Леонтьев. Я прилетать, чтобы встречаться с доктор Шувалов. Я иметь серьезное поручение к нему.

«Если б знал, что японцу нужен треклятый Шувалов, ни за что бы не поехал его встречать», — ругнулся про себя директор, а вслух учтиво спросил:

— Вас куда отвезти?

— Отель «Националь». Для меня там заказан номер.

— Это хороший отель, но дорогой.

— Не беспокойтесь, господин Леонтьев. Меня отправляют сюда очень богатый человек.

Юрий Михайлович вспомнил о крупной корпорации, которую упомянул работник МИДа, и призадумался. Насколько известно, эта компания производит автомобили и механизмы. Зачем им ученый, исследующий мозг человека? И что за японец свалился ему на голову? Почему за него просят на таком высоком уровне?

— Господин Сатори, я директор Института нейронауки. Антон Шувалов — мой подчиненный. Вы приехали в командировку в мой институт?

Японец задумался, пытаясь понять запутанный вопрос русского начальника. Всю дорогу он не выпускал из рук странный футляр, будто в нем находилась бесценная реликвия.

Так и не разобравшись, Хисато Сатори повторил заранее приготовленную фразу:

— Я прилетать, чтобы встречать доктор Шувалов. Я иметь поручение к нему от высокого господина. Он устал здать. Мне нужна встреча с Шуваловым. Срочно. Вы можете звонить ему?

— Сейчас? Вы хотите встретиться сегодня?

— Очень хочу.

— Сегодня воскресенье. Все отдыхают.

— Большие ученые не отдыхают. Они всегда много думать. — Сатори добродушно улыбнулся, как будто объяснял ребенку азбучную истину.

Леонтьев насупил. «Значит, я уже не большой ученый. Как он меня назвал? Крупным. Интересно, это относится только к моей фигуре?»

— Позвоните Шувалову. Позалуста. Большое спасибо, — лебезил на все лады вежливый японец.

Помня, что по поручению МИДа он представляет сейчас страну, Юрий Михайлович обреченно вздохнул и набрал номер непокорного доктора наук. Антон Шувалов не ответил. Для очистки совести директор повторил вызов. Долгое ожидание опять ни к чему не привело.

Леонтьеву такой результат понравился.

Длинные волосы Людмилы Вербицкой плавно поднялись к поверхности воды, качнулись, как белые водоросли, и вновь исчезли в глубине.

Антон, не раздумывая, нырнул. Грудь обдало холодом. Руки отчаянно шарили в темной воде и никак не могли найти тело самой красивой сотрудницы Института нейронауки.

В смятых джинсах на берегу реки забытый мобильник наигрывал классическую мелодию, но ее никто не слышал.

Антон Шувалов с шумом вынырнул, жадно глотнул воздух и снова ушел под воду.

Шестилетний Саша тряс маму за руку, показывал на уплывающий мяч и, заикаясь, твердил:

— М-мама, м-мяч...

Ольга хмурилась, проклиная свое согласие на пикник с Вербицкими. Она же помнила, каким кобелиным взглядом Антон порой смотрел на яркую Людочку, а та, вот же стерва, лукаво его подзадоривала.

Борис Вербицкий топтался в кроссовках у кромки воды и нервно тербил пуговицу рубашки, расстегивая и застегивая ее. Увидев, как Шувалов вынырнул, обнимая под мышки Людмилу, он запричитал:

— Людочка! Что с ней? Она шутит?

Антон пытался, вытаскивая на берег обмякшее женское тело. Тонкие руки девушки безвольно свисали, длинные ноги волочились по траве, с распрямившихся белых волос стекала вода. Антон уложил Людмилу на спину, коснулся пальцами сонной артерии, замер.

— Что с ней? Что? — мямлил Борис.

Шувалов повернул мокрое лицо. Его карие глаза, обычно глубокие и умные, сейчас излучали боль и отчаяние.

— Скорую вызывай! — огрызнулся он. — Срочно!

Ольга вздрогнула и прижала к себе притихшего сына. Борис закрутил головой, ощупал карманы, зачем-то снял и вновь одел очки.

— Телефон, телефон, — озабоченно бормотал он.

— На скатерти, рядом с бутылкой! — рявкнул Антон, бесцеремонно копясь пальцем во рту Людмилы, чтобы распрямить язык.

Он запрокинул голову девушки, прижался губами к ее раскрытому рту и шумно выдохнул. Ладони, положенные одна на другую, раз двадцать ритмично надавили на грудь Людмилы. И вновь последовало искусственное дыхание рот в рот.

Саша с испугом наблюдал за неприличными действиями папы. Ольга увела сына к автомобилю. Умом она понимала, что Антон пытается спасти человека, но сердце отказывалось смотреть, как родной и любимый мужчина без штанов то и дело прижимается губами к роскошной обнаженной блондинке.

Ольга пихнула хнычущего сына на заднее сиденье автомобиля и склонила голову на крышу машины. Только бы отгородиться от неприятной картины. Она не видела действий мужа, но слышала его тяжелое дыхание и равномерные толчки. Проснувшаяся ревность упрямо рисовала совсем другую сцену между Антоном и Людмилой. Ведь до нее порой доходили гнусные намеки институтских «доброжелательниц».

Как быстро приехала скорая помощь, никто не мог сказать. Для всех присутствующих плавное течение времени разом свернулось в вязкое болото.

Невозмутимый врач в расстегнутом зеленом халате ощупал девушку и взял у фельдшера протянутый шприц.

— Сейчас мы ей атропинчика, — промурлыкал он, словно приготовил вкусную конфетку. — Кто делал искусственное дыхание? Вы? И массаж сердца? Это хорошо. Хотя... Вы врач?

— Я физик, — устало ответил Антон, — но изучаю организм человека.

— Давайте-ка ее в машину.

— Что с ней? Она дышит? — суетился бледный Вербицкий, пока Антон с фельдшером переносили Людмилу в скорую.

— Сколько она провела под водой?

— Я не знаю. Я говорил ей, чтобы не ныряла, а она выпила и ...

— Сколько? — жестко прервал Бориса врач.

— Несколько минут.

— Три? Пять?

— Я не знаю. Вы ее спасете?

— Вот и я не знаю.

После напряженной работы, неестественно глубокого дыхания и чудовищного волнения у Антона Шувалова колотилось сердце, и кружилась голова. Он как заведенный делал все, что мог для спасения, но из-за собственного учащенного пульса так и не понял, помогло ли это Людмиле? Когда девушку уложили в скорую и подключили к аппарату вентиляции легких, Антон запрыгнул внутрь и заявил:

— Я еду с ней.

Вербицкий с совершенно потерянным видом тоже попытался просунуться, но врач отстранил его рукой.

— Только один.

Ольга, едва сдерживая слезы, швырнула мужу джинсы в закрывающиеся двери скорой. Потрясенный Саша с опаской выглядывал из-за нее.

4

Благодаря выходному дню путь от аэропорта «Шереметьево» до гостиницы «Националь» занял у аккуратного водителя Леонтьева менее часа. За это время Юрий Михайлович трижды задавал вопрос о цели визита, но Хисато Сатори всякий раз отвечал уклончиво, неизменно прося о встрече с Антоном Шуваловым.

На стоянке отеля перед тем, как выходить из автомобиля, японский гость вновь любезно попросил:

— Уважаемый профессор Леонтьев, мне очень нужно встретиться с доктор Шувалов. Большое вам спасибо.

Упоминание научных званий в правильном порядке и восточная обходительность, сопровождаемая глубоким поклоном, произвели на директора института благоприятное впечатление.

— Приходите завтра в наш институт. Там и встретимся. Вот моя визитка.

Японец еще раз вежливо поклонился, дал в ответ свою карточку, однако продолжал настаивать.

— Я хотел сегодня поговорить с доктор Шувалов. Я хотел приглашать вас и доктор Шувалов в ресторан.

— Ресторан — это правильно, — согласился директор, любивший вкусно поесть, — но по воскресеньям у сотрудников могут быть свои планы на вечер.

Растерянное лицо японца превратилось в выразительную маску одной большой Просьбы. Взрослый мужчина выглядел настолько трогательно, что Юрий Михайлович сжалился, набрал повторный вызов на телефоне, вытянул руку и продемонстрировал зарубежному гостю длинные безответные гудки. Японец внимательно смотрел на дисплей мобильного телефона, запоминая вызываемый номер.

Дождавшись окончания связи, Леонтьев неожиданно вспыхнул:

— Да что за спешка такая! Вы мне можете объяснить?

Хисато Сатори по достоинству оценил недовольство влиятельного господина. Его лицо вмиг стало серьезным, и он загадочно произнес:

— Сейчас вы сами всё увидите.

Он развернул необычный футляр замками к Леонтьеву и бережно выровнял на коленях длинную жестянку. Мягко щелкнули металлические зажимы. Выпуклая крышка медленно поднялась.

— Вот она, — с восхищенным придыханием произнес Сатори.

Юрий Михайлович ожидал увидеть что угодно, но только не это. Сначала он обратил внимание на швейцара отеля в старомодном цилиндре и белых перчатках. Тот любезно распахнул дверцу автомобиля и нечаянно заглянул в футляр. Дежурная улыбка на вышколенном лице служащего сменилась отвисшей челюстью и выпученными от страха глазами.

Профессор перевел взгляд на футляр и разглядел его содержимое. Настала его очередь застыть в немом удивлении.

Внутри, в мягком бархатном углублении, как в шикарном маленьком гробу, покоилась человеческая рука, отрезанная выше локтя.

Раскачиваясь и переваливаясь с борта на борт, скорая помощь преодолела проселочные рытвины и выскочила на шоссе.

— У нее нет пульса. Сделайте что-нибудь! — потребовал Антон, видя безжизненное матово-бледное лицо Людмилы.

Врач с сочувствием посмотрел на него, тяжело вздохнул и решился.

— Дефибриллятор! — Плоские электроды с толстыми проводами прижались к грудной клетке девушки. Врач оскалился и кивнул фельдшеру: — Давай!

Щелкнул тумблер, тело девушки дернулось, получив электрический разряд.

— Еще раз! — Последовал новый удар током. Неприятно запахло чем-то жженым. — Еще!

После очередного треска врач присмотрелся к пациентке, снял электроды и равнодушно констатировал:

— Сердце пошло, дыхание поддерживаем.

Антон устало прикрыл глаза и с облегчением протер мокрое лицо. «Мы спасли Люду». Он вынул телефон из джинсов, собираясь позвонить Борису, но натолкнулся на безрадостный оценивающий взгляд врача.

— Что такое? Почему вы так смотрите?

— Вы ее муж?

— Нет. Друг. Коллега.

— Вас зовут...

— Антон.

— Видите ли, Антон. Сердце мы запустили, но девушка без сознания. И все признаки указывают на то... — Врач опустил голову и заботливо подтянул простынь, прикрывая обнаженное тело Людмилы. — Красивая.

— Договаривайте, — ожесточился Шувалов, уже догадываясь, куда клонит осторожный доктор.

— Сколько минут прошло, прежде чем вы достали ее из реки? Минут пять, не меньше. И мы приехали спустя четверть

часа. Конечно, вы делали всё, что могли, но... Ее мозг был лишен кислорода достаточно продолжительное время. А это означает, что в нем произошли необратимые изменения.

— Вы считаете, что ее мозг умер?

— К большому сожалению, Антон.

— Нет.

— Достаточно четырех минут без кислорода. То, что мы сейчас наблюдаем: сердце, легкие — это имитация жизни. Главное в организме — мозг! Пока жив мозг — жив и человек. Иначе...

— Я прекрасно знаю это и без вас! — жестко отрезал Шувалов. Он всё понимал, но не мог смириться с очевидным. — Она будет жить? Вы ее спасете?!

Врач не отвечал. Хуже того, он перестал что-либо делать и старательно отводил взгляд.

Спор с доктором вернул Шувалова из хаоса трагического происшествия на профессиональную стезю. Все наши чувства, мысли, ощущения, желания и движения связаны с работой мозга. Если он не функционирует, человек переходит в вегетативное состояние или умирает. Хотя мозг составляет лишь 2,5 % веса тела, к нему постоянно, днем и ночью поступает 20 % циркулирующей в организме крови и соответственно кислорода. Без кислорода мозг гибнет. Защитный механизм крайне невелик.

Шувалов восемь лет занимался нейронаукой и сейчас отчетливо представлял все процессы, происходящие в подкорке и коре головного мозга девушки. Он знал о них больше любого самого продвинутого врача скорой помощи. Более того, он знал о мозге человека то, что пока было недоступно никому в мире. И эти знания, несмотря на их трагичность, вселяли надежду.

Врач тайком следил за сопровождающим. Он привык к неадекватной реакции родственников пострадавших. Но на этот раз ни уныния, ни истерики не последовало. В глазах пассажира блестела стальная решимость.

Шувалов вытащил телефон и вызвал своего сотрудника, нейрпрограммиста Сергея Задорина.

— Сергей, ты мне нужен. Срочно бросай всё и приезжай в лабораторию! Никаких возражений! Срочно! — Чувствуя недо-

умение друга, он тихо добавил: — С Людой Вербицкой беда. Я прошу тебя, приезжай. И позвони Елене Марковне. Она нам тоже понадобится.

Шувалов повернулся к врачу и потребовал:

— Сообщите водителю, мы едем в Институт нейронауки.

— Какой институт? Я везу ее в больницу.

Антон схватил врача за грудки и зашипел ему в лицо:

— Для тебя она уже не пациент, а тело. И везешь ты ее не больницу, а в морг. А я хочу Люду спасти!

— Уже поздно.

— Замолчи! Я не отступлюсь, даже если мне потребуется выкинуть всех из машины к чертовой матери! Ты меня понял, Парацельс?

— Я буду жаловаться.

— Мне плевать! Мы едем в Институт нейронауки!

Помимо гнева, врач увидел в сужившихся карих глазах спутника непреклонную волю и особый вид отваги. «Этот человек добьется своего», — подумал врач и жестом остановил подавшегося на помощь фельдшера.

— Мы отвезем вас в институт. Только хочу заметить, я гораздо ближе к Парацельсу, чем вы к богу.

6

Губы Хисато Сатори изогнулись в хитрой улыбке, в глазах искрилось торжество. Он привык к непонимающим взглядам тех, кто первый раз видит его бесценный груз, но русские отреагировали еще эмоциональнее.

Швейцар замычал и попятился, отгоняя дрожащими руками невидимый злой дух. Профессор сощурился, словно не веря, что перед ним человеческая рука, и брезгливо вывернул толстые губы.

— Что вы привезли? — ужаснулся Леонтьев.

Хисато понял, что пора приступить ко второй части представления.

— Потрогайте. — Японец коснулся руки в футляре и любовно погладил ее. — Как настоясая.

— Как настоящая, — эхом отозвался профессор и восторженно воскликнул: — Что вы имеете в виду?

— Это рука-робот. Чудо японской техники.

— Ах, это всего лишь...

— Точная копия руки господина Танака.

— Кто такой господин Танака?

— Кейджи Танака — вице-президент нашей корпорации. Его вертолет упал в горах, и господин Танака потерял обе руки. Но господин Танака очень сильный селовек. Он не хочет быть инвалид. Наши ученые изготовили два рука-робот: правая и левая. Я привез правая. Мы подсоединяли руку к большому компьютеру. Она работает хорошо. Рука двигаться и даже чувствовать: горячо — холодно, остро — гладко. Тут сенсоры. Все сигналы идут на компьютер.

— Это замечательно. Мы знаем, японские инженеры — лучшие специалисты в робототехнике. — Леонтьев боязливо прикоснулся к искусственной коже протеза. — Но зачем вы привезли ее к нам?

— Рука-робот и компьютер — это хорошо, это мы умеем. Но надо соединить руку с человеком. С господином Танака. Надо обеспечить управление руки с помощью мысли!

— Вы хотите подключить искусственную руку к нейронам мозга, ответственным за двигательные функции? — удивился Леонтьев.

— Да, именно так. Мы хотим сделать самый лучший нейропротез в мире. Рука должна не только двигаться, но и понимать «горячо — холодно» и всё остальное. Господин Танака хочет иметь руки, как настоясие, и даже лучше. Эту руку нельзя порезать или обжечь, ее пальцы крепче, чем ваши. А если она сломается, ее можно заменить.

— Создать полноценный действующий нейропротез человеческой руки, управляемый мозгом. — Леонтьев говорил медленно, осмысливая каждое произнесенное слово. — Но это невозможно!

— Почему невозможно? Ученый так не должен говорить.

— Это дело будущего.

— Сегодня у нас настоящее, а завтра — будущее, — лукаво прищурился Хисато Сатори и закрыл футляр. — Мне надо встретиться с доктором Шуваловым. Метод, который он докладывать весной на конференции, снимает все барьеры для создания нейропротезов. Как это говорят, доктор Шувалов совершил прорыв в науке.

«Вот именно, прорыв, — подумал Леонтьев. — Где прорыв, там обрыв или разрыв. Шувалова вечно посещают озарения, которые еще доказывать и доказывать».

— Мне все-таки кажется, что вы поспешили с поездкой, господин Сатори. Можно было обсудить проблему по телефону, Интернету...

— Пока вы не видите эта рука, вы не понимаете всей серьезности наших планов. Когда доктор Шувалов ее только потрогать...

Леонтьев резко прервал собеседника:

— Мой институт, — он выделил ударением оба слова и продолжил обычным голосом, — сотрудником которого является, в частности, Шувалов, ведет работы по созданию нейропротезов. Мы даже делаем опыты на крысах. Некоторые из них успешные. Но, согласитесь, крыса и господин Танака — это совершенно разные организмы.

— О, Кейджи Танака уважать крыс. Это очень умные животные, — одобрительно зацокал японец.

— Я говорю об опытах. Это всего лишь лабораторные эксперименты. Мы не ведем лечебную практику такого уровня. У нас даже нет микроципов, которые можно было бы вживить в мозг человека!

— Об этом не беспокойтесь. Япония — маленькая страна, где любят делать всё очень маленькое. Доктор Шувалов сказать, что надо, а мы делать. Господин Танака не позалеет любых денег. Вы меня понимаете?

При упоминании денег Леонтьев задумался. Дополнительное финансирование его институту не помешало бы.

— Я визу, мы хорошо понимать друг друга, — одобрительно закивал Сатори. — А теперь помогите мне найти взаимопонимание с этими господами.

Японец указал на двух суровых охранников, выбежавших из зеркальных дверей отеля. Им что-то очень эмоционально объяснял перепуганный швейцар, тыча пальцем в сторону автомобиля.

7

From: hands1980@gmail.com

To: brain1975@gmail.com

Я в Москве. Пытаюсь выйти на Шувалова. Будем действовать совместно, как и договаривались. Жестко и мягко! Метод кнута и пряника еще никто не отменял. В данном случае он самый эффективный. Или тебе ближе понятия плохой и хороший полицейский?

From: brain1975@gmail.com

To: hands1980@gmail.com

Не хочу и думать о полиции. Ты — руки, я — мозг! Мозг может действовать на расстоянии, а руки должны быть рядом с жертвой. Нам срочно нужна голова Шувалова! Для этого сойдут любые методы. Любые! Не останавливайся ни перед чем. Главное — результат!

— О нас вытерли ноги, и мы вот так просто умоемся? — спросил угрюмый фельдшер.

Врач тупо смотрел в пустой салон скорой помощи. Взбунтовавшийся пассажир только что увез утопленницу на каталке. Врач перебрал в голове всю последовательность своих действий и убедился, что его не в чем упрекнуть.

— Мы действовали правильно, — вслух повторил он главный вывод. — А с этим полоумным претендентом на божественный престол пусть разбираются другие.

Он набрал экстренный номер полиции, торопливо соображая, как назвать похищенный из машины объект: телом или все-таки пациенткой?

Каталка с молодой женщиной быстро двигалась по гулкому коридору Института нейронауки. Простынь сбилась. Перед глазами Антона Шувалова, толкавшего тележку, подрагивали красивые ноги, живот, грудь, вздернутый носик и подсохшие белые кудри Людмилы Вербицкой. Но он мысленно видел то, что человеческий организм скрывает и оберегает наиболее тщательно. Он «видел» ее мозг. Сейчас миллиарды нейронов уснули, застыли многочисленные связи между ними, и ни один нервный импульс не родился в умирающем органе. Еще живой человек лишился своего главного центра управления и превратился в никчемное неподвижное тело с бьющимся впустую сердцем.

Шувалов отказывался в это верить. Недавно он понял, как оживить мозг на стадии глубокой комы. Но это была всего лишь идея, требовавшая глубокой проработки. Однако сейчас время шло на секунды.

У двери с табличкой «Лаборатория № 7» Шувалова поджидал озабоченный молодой мужчина с черной бородкой и крупными очками на широком носу. Увидев своего лучшего нейропрограммиста Сергея Задорина, Антон без предисловий приказал:

— Открывай дверь.

Каталка въехала в лабораторию, протиснулась между столами, заставленными сложными приборами и компьютерами, и Шувалов втолкнул ее в отдельное помещение за стеклянной перегородкой. Чистый бокс одновременно напоминал операционную и отдел по производству сверхточных устройств. Здесь проводились эксперименты, требовавшие стерильности, и операции над животными.

Задорин в тревожном недоумении разглядывал лежащую без движения девушку.

— Людмила...

— Она утонула. Я ее достал, но не сразу. Сердце и легкие удалось запустить, — коротко рассказывал Антон. — Вот только мозг...

— Что мозг?

— Он пока не работает. Дай ножницы. — Шувалов хирургическими ножницами начал срезать волосы на макушке молодой женщины. — Мы обязаны ее оживить.

— Но если мозг умер...

— Не произноси это слово! Смерть мозга — это процесс, а не миг — до и после! Я же объяснял тебе!

— Теория — это одно...

— Где Репина? — оборвал ненужный спор Шувалов.

— Она скоро будет.

— Я уже здесь! — послышался женский голос.

В лабораторию влетела нейрохирург Елена Марковна Репина. Она была на несколько лет старше Шувалова, но благодаря стройной фигуре и молодежному стилю в одежде давно разведенная женщина выглядела не хуже многих аспиранток. Только манера говорить — уверенно, емко, а порой грубо и цинично — выдавала в ней опытную женщину. Скинув на ходу плащ и облачившись в салатовый халат, она вошла в застекленный бокс.

— Для чего вызвал, Антон?

— Вот. Надо спасти Люду. — Шувалов, не теряя времени, настраивал приборы. — Она была под водой больше пяти минут.

Нейрохирург ощупала лежащую женщину, раздвинула ей зрачки и направила под веки яркий свет лампы.

— По-моему, мы опоздали. Почему ты сразу не отвез ее в клинику?!

— Бесполезно. Врач скорой констатировал смерть мозга.

— И что ты намерен делать?

— Я же сказал, спасти!

— Но это... — Елена Репина расширенными глазами изучала Шувалова. Она собиралась воскликнуть: «безумие», но, видя сосредоточенные приготовления заведующего лабораторией, попыталась мягко объяснить: — Антон, это утопия. Ее спасти невозможно.

Шувалов порывисто обернулся к Репиной.

— Я хочу, чтобы Люда жила. Хочу! И я знаю, что для этого надо сделать.

Репина перевела недоуменный взгляд на Сергея Задорина. Тот нехотя уточнил:

— Антон Викторович выдвинул идею, что мозг, как двигатель, можно включить и подзарядить. Он вычислил особую зону нейронов. Теоретически.

— И рассчитал силу и частоту электромагнитного воздействия, — добавил Антон.

— Тоже теоретически?

— Да! Разве этого мало? Чтобы вычислить высоту горы, не обязательно на нее подниматься! Вес Луны мы знаем без взвешивания на весах!

— Антон, успокойся. Я должна знать, чем буду заниматься.

— Я считаю, что у мозга есть своеобразный стартер. И сейчас я запущу его! Ты поможешь мне вскрыть череп. Бери фрезу и делай отверстие. Вот здесь.

— Но это опасная операция. Необходимо получить согласие родственников.

— Для кого опасная? Для трупа? Ты только что заявила, что Люда мертва. — Шувалов наклонился к монитору компьютера, где появилось изображение мозга в трех сечениях, и обратился к Задорину: — Сергей, надо погрузить электрод в эту точку. Готовь приборы.

— Требуется рассчитать координаты.

— Так что же ты стоишь?

— Но, Антон Викторович...

— На всё про всё — три минуты! Лена, начинай. Дорога каждая секунда.

— Под твою ответственность, Антон.

— Разумеется. Вас здесь вообще не было. Я всё делал сам. Приступай.

Тонкие перчатки, чмокнув, облепили женские пальцы. Репина надела маску и большие пластиковые очки. Зажужжала электрическая фреза. Вскоре к механическому зуду добавилось тонкий писк распиливаемой кости черепа.

— Отверстие готово, — отрапортовала Елена.

— Сергей, установи приборы.

Задорин закрепил на голове Людмилы стереотаксическое оборудование, состоящее из стальных колец и дуг. Над центром

отверстия возвышался тончайший золотой электрод, от него тянулись провода к сложному прибору с двумя экранами и несколькими циферблатами.

— Покажи расчет, — потребовал Шувалов у Сергея.

Тот ткнул в экран ноутбука.

— Без всесторонней компьютерной томографии я не гарантирую точность.

Антон сосредоточенно смотрел на цифры. Над его переносицей прорезалась двойная вертикальная морщина. Он размял пальцы и тихо произнес:

— Теперь я сам.

Под его управлением электрод стал плавно погружаться в оголенный мозг. Введя золотую нить на несколько сантиметров, Шувалов перешел к приборам. Координаты погружения совпали с расчетными. Он тщательно настроил регуляторы и обернулся. Репина и Задорин с затаенным ожиданием следили за его действиями. Антон перевел взгляд на неподвижное тело, закрытое простыней, и нажал кнопку.

Стрелки дернулись, на экранах ожили электронные змейки. Выждав двадцать секунд, Шувалов отключил прибор.

Елена Репина, склонившаяся над пациенткой, отрицательно мотнула головой. Антон вытер пот со лба, подрегулировал один из датчиков и вновь нажал кнопку. На этот раз он ждал тридцать секунд, затем искоса взглянул на Елену.

Та следила за мертвенно-бледным лицом Людмилы Вербицкой, пытаясь найти хоть какое-то улучшение. После долгой паузы голова в хирургической шапочке, как и прежде, безнадежно качнулась из стороны в сторону.

Антон прикрыл глаза. В его сознании мелькали формулы, математические знаки просачивались сквозь густую сеть переплетенных нейронов. Он провел эксперимент согласно своей новой теории. Мозг говорит на электрическом языке. На этом же языке он отправил в расчетную точку свое послание. Возможно, не слишком понятное. Но это было единственное, что он мог сделать в сложившихся обстоятельствах.

Безрезультатно.

Циничный врач скорой оказался прав. Он не бог.

Но вдруг Елена Репина подняла руку и удивленно отпрянула от тела. Ее палец указывал на лицо пациентки. Задорин сделал шаг вперед и увидел, как дрогнули веки и разлепились ресницы Людмилы Вербицкой.

— Она очнулась, — промолвил он.

Шувалов открыл глаза. На него потрясенно взирала Репина.

— Ты ее воскресил, — прошептала она.

9

«Форд фокус» неуверенно двигался по правой полосе узкого шоссе, мешая остальным машинам. Ольга Шувалова, вцепившись в руль, напряженно смотрела вперед. Она редко водила автомобиль, а сегодня еще и выпила. Но кто же знал, что взбалмошная сердцеедка Людочка бросится в холодную реку, наглостается воды, а Антон увяжется с ней на скорой!

«С сыном ему вечно некогда заниматься, а как только смазливая лаборантка почувствовала себя плохо, он кинулся ей на помощь», заочно упрекала мужа Ольга.

Ей не понравилось, с каким душевным надрывом Антон отказывал коллегу по работе. В его действиях она видела нечто большее, чем спасение постороннего человека. Возможно, она не заметила бы в поведении мужа ничего предосудительного, если бы на месте Людмилы Вербицкой оказалась любая другая женщина. Но про связь Антона с Людмилой ей назойливо намекали пару лет назад. Потом Людочка выскочила замуж за Вербицкого и всё вроде успокоилось, но сегодняшняя боль в глазах мужа воскресила былую ревность.

Завизжали тормоза, «форд» клюнул носом и остановился в полуметре от припаркованной на обочине автоцистерны. Дремавший рядом Борис Вербицкий ткнулся в бардачок и выругался.

Ольга склонила голову на руль и беззвучно заплакала. «Может, я плохая жена, поэтому он смотрит на других? Я стремлюсь быть хорошей матерью, а ему нужна ласковая баба. Что я делаю не так?»

— Ужасный день. Ужасный, — причитал Борис, глядя на вздрагивающие плечи Ольги. Перед тем, как сесть в машину, он допил весь оставшийся алкоголь. — Хоронят обычно на третий день? Я ничего об этом не знаю.

— М-мама, игра н-не работает, — поднял с пола электронную пищалку сын.

— Какие похороны? — очнулась Ольга. Влажные округлившиеся глаза смотрели на выпившего пассажира.

— Люда утонула. Моя Людочка.

— Она не утонула. Антон ее спас.

Вербицкий сморщил лицо и пьяно замотал головой.

— Нет. Он опоздал. Или сам пихнул ее под воду.

— Что ты несешь?!

— Зачем он прыгнул? Людочка игралась, затаилась, а он на нее сверху... Он завидовал мне, он хотел ее увести, а когда не получилось, то...

— Борис! Очнись! Антон вытащил ее, делал искусственное дыхание, массаж сердца.

— Массаж... Вот-вот... Он лапал ее. Грязно. Она бездыханная, а он влез на нее...

— Борис! Люду увезли на скорой. Ее спасут.

— Почему он меня не пустил в машину? Сам сел, а меня не пустил. Ее муж я, а не он!

С этим утверждением Ольга была полностью согласна. Она сама не понимала, как получилось так, что ее муж уехал с чужой женщиной, словно был ее ближайшим родственником.

— Теперь предстоят похороны. Такая красивая, молодая... и в гроб! — Борис зашмыгал носом.

— М-мама. Не включается, п-помоги, — заикаясь, канючил сын из-за спины.

Ольга наклонилась к Борису и зашипела:

— Хватит про похороны. Не пугай ребенка. Живехонька твоя Людочка.

— Не-ет. Я видел ее, видел, как смотрел на нее врач. У меня тоже медицинское образование, хоть я и работаю с железками. Ее мозг не дышал десять минут. Десять! Мозг умер. Людочку невозможно спасти.

Літературно-художнє видання

БАКШЕЄВ Сергій
Відчайдушний крок

Роман
(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *С. В. Душкевич*
Художній редактор *А. О. Попова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *Л. Ю. Єрдякова*

Підписано до друку 06.02.2019. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Literaturna». Ум. друк. арк. 13,44. Наклад 5000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а. E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано згідно з наданим оригінал-макетом
у друкарні «Фактор-Друк»
61030, м. Харків, вул. Саратовська, 51. Тел.: + 3 8 057 717 53 57

Литературно-художественное издание

БАКШЕЕВ Сергей
Отчаянный шаг

Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *С. В. Душкевич*
Художественный редактор *А. О. Попова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *Л. Ю. Ердякова*

Подписано в печать 06.02.2019. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Literaturna». Усл. печ. л. 13,44. Тираж 5000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а. E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано согласно предоставленному оригинал-макету
в типографии «Фактор-Друк»
61030, г. Харьков, ул. Саратовская, 51. Тел.: + 3 8 057 717 53 57

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Антон Шувалов — гениальный нейрофизик, у житті якого почалася низка серйозних неприємностей. Суперник і колега вченого Борис Вербицький досі звинувачує Антона в смерті своєї дружини. А слідчий Петровська навіть радить йому залягти на дно, щоб уникнути порушення кримінальної справи. Але, незважаючи на небезпеку, Антон продовжує таємно проводити експерименти в лабораторії НДІ. Його «прикриває» Вербицький, який за мовчання вимагає від Антона допомоги з однією справою. Тепер учений змушений допомагати давньому ворогу... Чи вдасться Шувалову зирватися з гачка шантажиста?

Бакшеев С.

Б19 Отчаянный шаг : роман / Сергей Бакшеев. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2019. — 256 с.

ISBN 978-617-12-6075-7

Антон Шувалов — гениальный нейрофизик, в жизни которого началась череда серьезных неприятностей. Соперник и коллега ученого Борис Вербицкий до сих пор винит Антона в смерти своей жены. А следователь Петровская даже советует ему залечь на дно, чтобы избежать возбуждения уголовного дела. Но, несмотря на опасность, Антон продолжает тайно проводить эксперименты в лаборатории НИИ. Его «прикрывает» Вербицкий, который взамен на молчание требует от Антона помощи с одним делом. Теперь ученый вынужден помогать старому врагу... Удастся ли Шувалову сорваться с крючка шантажиста?

УДК 821.161.1

Жизнь красотки Алисы была райской, пока ее богатого любовника не турнули с непыльной должности. А однажды вечером он умер, выпив рюмку коньяку. Наутро Алиса обнаруживает в квартире сломанные белые астры. Такие дарил ей бывший муж, которого она восемь лет назад помогла посадить в тюрьму за изготовление наркотиков. Неужели он вышел оттуда и хочет отомстить? Алиса бросается за помощью к Давтяну, старому знакомому. Но Давтян становится следующей жертвой... За запутанное дело берется следователь Петелина. Тот, кто охотится на Алису, давно числится мертвым. И теперь он не оставит в живых никого...

Кто-то убил мать ученого-математика Константина Данина и украл его научные наработки, которым он посвятил полжизни. В убийстве подозревают самого Данина. Помочь Константину пытается его школьная учительница Валентина Ипполитовна вместе со своими бывшими учениками Таней и Феликсом. Они начинают собственное расследование. Валентина Ипполитовна подозревает, что убийцу нужно искать среди коллег Константина, которые также бились над доказательством великой теоремы Ферма...

